

В.П. Даниленко

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ • • ПУТЬ К ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

УДК 141.155
ББК 87
Д 181

Даниленко В. П.
Д 181 Универсальный эволюционизм – путь к человечности. – СПб.: Алетейя, 2013. – 496 с.

ISBN 978-5-91419-933-0

Универсальный эволюционизм, по замыслу творцов этого единого мировоззрения, поможет человечеству вступить на путь созидания и самосохранения. Академик РАН Н. Н. Моисеев писал: «Становление и развитие человечества подчиняются определенной логике. Если пользоваться языком теории самоорганизации (синергетики), то это есть логика открытых нелинейных динамических систем, далеких от своего равновесия. Однако я чаще употребляю термин „универсальный эволюционизм“, который я ввел еще в 70-е годы». Основы универсального эволюционизма представлены в статьях В. П. Даниленко, имеющих отношение ко всем сферам духовной культуры – религии, науке, искусству, нравственности, политике и языку. Особую привлекательность предлагаемой книге придают мемуарные скрепы, связывающие все статьи в единый текст.

Предназначена для самого широкого круга читателей.

УДК 141.155
ББК 87

© В. П. Даниленко, 2013
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **5**

Религия **12**

Две формы антиэволюционизма в богословии **16**

Наука **34**

К вопросу о систематизации философских категорий на диалектической основе (гносеологический аспект) **37**

Истоки универсального эволюционизма

Мифология (Китай, Индия, Израиль, Греция) **58**

Фалес **65**

Анаксимандр **69**

Анаксимен **75**

Гераклит **75**

Демокрит (Парменид, Эмпедокл, Анаксагор) **77**

Эпикур **89**

Универсальный эволюционизм в поэме Лукреция «О природе вещей» **92**

Путь к универсальному эволюционизму: Жульен де Ламетри **112**

Путь к диалектическому универсализму: Георг Гегель **126**

Универсальный эволюционизм в концепции Герберта Спенсера **131**

Зарождение человечности (на материале произведений Джека Лондона) **152**

Путь к универсальному эволюционизму: В.И.Вернадский **165**

Универсальный эволюционизм в концепции П.Тейяра де Шардена **187**

Универсально-эволюционный контекст «Evolutionäre Erkenntnistheorie» Герхарда Фоллмера **201**

«Первые и основные понятия теории универсального эволюционизма» Никиты Моисеева **209**

Эрвин Ласло – Анри Сен-Симон нашего времени **226**

Сведение счётов с инакомыслящими

Прагматизм **239**

Экзистенциализм **247**

Неопозитизм **251**

Постмодернизм **254**

Искусство **261**

Неприкаянный человек в русской классической литературе **263**

Человек средних интеллектуальных способностей. О романе-эпопее А.М.Горького «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» **279**

Лёгкий постмодернизм в «Пушкинском доме» Андрея Битова **295**

Неприкаянные дни в жизни Александра Калько **315**

Эволюционная картина мира в поэзии Н.А.Заболоцкого **321**

Нравственность 333

«Наука о том, как жить». О нравственном учении Льва Толстого 334
«Будь же хоть в этот последний год ЧЕЛОВЕКОМ» (на материале дневников Корнея Чуковского) 361
«Мура вообще очень забавна» (на материале дневников К.И.Чуковского) 378

Политика 386

Каким должен быть человек? (На материале романа Г.Уэллса «Люди как боги») 386
«Я прочертил контуры мировоззрения». Об «Опыте автобиографии» Герберта Уэллса 393

Язык 405

Ономасиологическая сущность концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса . . . 406
Дисциплинарная структура грамматики 415
Эволюционизм в концепции Вильгельма фон Гумбольдта 429
Почему Дмитрий Писарев не стал языковедом? 440

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 453

Приложение 456

Анимализация — превращение человека в животное (набросок инволюционной псевдоэтики) 456
Гоминизация — превращение животного в человека (набросок эволюционной этики) 471

Послесловие 484

Авторская литература. **Тезис – антитезис – синтезис** 487

РЕЛИГИЯ

Гуманность, человечность отдельных религиозных заповедей и поведения отдельных верующих, священнослужителей отнюдь не исключает того факта, что религия как таковая несовместима с гуманизмом, гуманистической философией. Религия, любая религия делит людей на своих приверженцев (православных, правоверных и т.д.) и неверных (иноверцев, неверующих) и этим фактически выступает против человечности, т.е. против признания за любым человеком его достоинства как человека.

Л.Е.Балашов

Я могу лишь вообразить, как уверовавший переживает религиозное чувство, но мне его пережить, слава богу, не довелось. На религию я всю свою жизнь смотрел со стороны.

Мой отец Пётр Никитьевич Даниленко (1913–1985) был атеистом, но кое-какие языческие представления в его голове водились. Приведу два примера из его рассказов:

1. «Жила у нас в деревне старуха. Звали её Маланьей. Все её страшно боялись. По ночам она превращалась в свинью. Мы, деревенские ребятишки, время от времени орали ей в окно «Свинья Маланья! Свинья Маланья! Свинья Маланья!» и в страхе разбегались врассыпную. Все в деревне знали, что она оборотень. Рассказывали, что ещё давным-давно, когда она обратилась свиньёй, её крепко избили. На следующий день она была вся в ссадинах и синяках».

2. «Ещё до войны дело было… Рано-рано утром я ехал по острову на жеребце на покос. Подъезжаю к берегу… и вдруг мой жеребец резко стал на дыбы. Пытаюсь его утихомирить — ни в какую! Я спрыгнул на землю. Гляжу: какая-то красивая голая девка ка-а-ак сиганёт в воду! Только хвостом махнула!».

Моя мама Серафима Ефимовна Даниленко (Полещук) (1918–1981) сказала незадолго до смерти: «Креста мне не ставьте. Бога нет. Если бы он был, он не мучил бы меня так. Не за что». Между тем в жизни она вовсе не была воинственной атеисткой. Более того, она учила: «Есть бог или нет, неизвестно. Но кощунствовать против него нельзя. А вдруг он всё-таки есть? Может наказать».

Ни одного неистово верующего в своей родной Теси я никогда не встречал. Отношение к богу у большинства людей (в особенности у баб) было примерно таким же, как у мамы. Но однажды к нам в гости приехал баптист. Я ещё маленький был и о баптистах и слыхом не слыхивал. Помнится, он произвёл на меня очень тягостное впечатление. Я увидел перед собой человека, который чуть ли не через каждое слово вспоминал о боге. Упёртость в мозгах непреодолимая! Я понял: это человек из какого-то другого мира. Выяснять с ним отношения — бесполезно.

«Библию» я одолел во время учёбы в МГУ. Впечатление было очень глубоким. От неё веет какой-то вековой красочностью. С одной стороны, история еврейского народа, в таких мельчайших деталях обрисованная, а с другой, два главных персонажа — Яхве и Христос. В первом больше всего поразила его жестокость. С какой звериной безжалостностью он расправлялся с врагами еврейского народа! Но его восхвалителей это не смущало, а радовало. Один из них, Исайя, восклицал: «Господи! Ты Бог мой; превознесу тебя, восхвалю имя Твоё, ибо Ты совершил дивное; предопределения древние истинны, аминь. Ты превратил город в груду камней, твёрдую крепость в развалины; чертогов иноплеменников уже не стало в городе; вовек не будет он восстановлен. Посему будут прославлять Тебя народы сильные…» (Библия. М., 1976. С. 697).

Позднее я прочитал у Марка Твена: «Наша Библия рисует характер Бога с исчерпывающей и безжалостной точностью. Портрет, который она нам предлагает, — это в основном портрет человека, если, конечно, можно вообразить человека, исполненного и переполненного злобой вне всяких человеческих пределов… Все его деяния, изображенные в Ветхом Завете, говорят о его злопамятности, несправедливости, мелочности, безжалостности, мстительности. Он только и делает, что

карает — карает за ничтожные проступки с тысячекратной строгостью; карает невинных младенцев за проступки их родителей; карает ни в чём не провинившихся обитателей стран за проступки их правителей; и снисходит даже до того, что обрушивает кровавую месть на смирных телят, ягнят, овец и волов, дабы покарать пустяковые грешки их владельцев. Более гнусного и разоблачающего жизнеописания в печатном виде не существует. Начитавшись его, начинаешь считать Нерона ангелом» (http://alonsokehana.livejournal.com/33032.html).

Марку Твену вторит Ричард Докинз: «Яхве — гордящийся своей ревностью ревнивец; мелочный, несправедливый, злопамятный деспот; мстительный, кровожадный убийца-шовинист; нетерпимый к гомосексуалистам, женоненавистник, расист, убийца детей, народов, братьев, жестокий мегаломан, садомазохист, капризный, злобный обидчик» (http://vk.com/id152573718).

Между тем Иисус Христос — сын Яхве. У иудаистов — один бог, а вот у христиан, выходит, два (если оставить в стороне духа святого): бог-отец и бог-сын. Жизнь последнего и в особенности его смерть описаны евангелистами так, что порой слёзы проступают на глазах. Дух захватывает от его «Нагорной проповеди». Но до единения с ним у меня всё-таки дело не дошло. Останавливала его упёртость. «Я есть путь, истина и жизнь», и никакого тебе плюрализма и никакой тебе толерантности! Это тебе, брат, не Рене Декарт, который учил во всём сомневаться. Этому всё ясно. Его яростным приверженцам тоже всё ясно вот уже две тысячи лет. Точно такую же непрошибаемость я впервые увидел в детстве у заезжего баптиста.

Другое дело — Будда. Его «Дхаммападу» мне дал почитать в конце 70-ых гг. Толя Леонтьев (мой коллега с кафедры общего языкознания и русского языка Иркутского государственного университета). Я был в восторге. Это был духовный праздник! Не религиозный, а нравственный. Единение с Буддой живёт во мне до сих пор. И до сих пор я время от времени открываю «Дхаммападу», чтобы утешить свою исстрадавшуюся душу. И до сих пор меня утешают такие, например, его высказывания:

1. Старо это присловье, о Атула, и в ходу оно не только в наше время: они порицают сидящего спокойно, они порицают многоречивого, и того, кто говорит в меру, порицают они.

2. Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть укрепится он в одиночестве: с глупцами не бывает дружбы.

3. И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы.

4. Сдержанность зрения — хороша. Сдержанность слуха — хороша. Сдержанность обоняния — хороша. Сдержанность языка — хороша. Сдержанность тела — хороша. Сдержанность мысли — хороша. Сдержанность во всём хороша.

5. Но трудно жить тому, кто скромен, кто всегда ищет чистое, кто беспристрастен, хладнокровен, прозорлив, чья жизнь чиста.

6. «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто не таит в себе такие мысли, ненависть прекращается. Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма.

7. Даже разумный человек будет глупеть, если он не будет самосовершенствоваться.

8. Пусть мудрец усилием, серьёзностью, самоограничением и воздержанием сотворит остров, который нельзя сокрушить потоком.

9. Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней.

Здесь нет религии. Здесь голая правда.

Религия и до сих пор в какой-то мере выполняет очеловечивающую функцию, но она построена не на правде, а на обмане.

Народ что пластилин. Из него можно вылепить атеистов, а можно и теистов. Всё дело в том, кто лепит. Теперешний режим лепит верующих. А интеллигенция? Тот факт, что многие из её представителей легко меняют атеистические убеждения на теистические, свидетельствует только об одном — низком уровне её развития — не только научного, но также нравственного и политического. Это люди без подлинного мировоззрения.

Активизация церкви сейчас налицо. Особенно большой мировоззренческий вред нашему народу наносят богословы. Их борьба с эволюционизмом носит агрессивный характер. Об этом я написал такую статью:

ДВЕ ФОРМЫ АНТИЭВОЛЮЦИОНИЗМА В БОГОСЛОВИИ

В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
А.С. Пушкин

Эволюционизм — мировоззрение, признающее приоритет эволюции над её противоположностью — инволюцией. Инволюционизм, напротив, отдаёт предпочтение инволюции перед эволюцией. Между этими противоположными типами мировоззрений происходит борьба. Особой агрессивностью характеризуется богословский антиэволюционизм.

Антиэволюционизм в религиозном сознании проявляется в двух крайних формах — антисциентистской и сциентистской. Первая из них направлена на резкое отдаление религии от науки, а другая, напротив, — на сближение их между собою. Если антисциентистский антиэволюционизм в богословии целиком отрицает научный эволюционизм, то сциентистский, наоборот, пытается подвести его под религиозную мифологию. Тенденцию к сближению научного эволюционизма с религиозным мы можем увидеть, например, в решении католической церкви принять концепцию Большого взрыва, в соответствии с которой наша Вселенная — результат сверхмощного взрыва гиперплотного сгустка праматерии. Это решение было принято ещё в 1952 году. Но оно, разумеется, не должно было противоречить библейскому догмату о сотворении мира за шесть дней. Авторы этого решения вышли из положения очень просто: они приняли концепцию Большого взрыва лишь с одним условием, состоящем в том, что Большой взрыв сотворил Бог. Сциентистский антиэволюционизм, таким образом, онаучивает религию.

Остановимся сначала на антисциентистской форме антиэволюционизма в богословии. Конечно, мы могли бы при её рассмотрении последовать совету К.Буфеева, о котором у нас ещё речь впереди, который писал: «...когда сегодня мы слышим

о теориях эволюции, мы спокойно можем не замечать их, покуда эти языческие мудрования не имеют к Церкви никакого отношения» (1;2). Этому богослову, таким образом, до научного эволюционизма как будто нет никакого дела, но взялся он за развенчание эволюционизма исключительно потому, что он стал проникать и в богословие. Он писал после только что приведённых слов: «Если бы в наше время не предлагалась бы масса разновидностей “православного эволюционизма”, Церкви было бы легко откреститься от этой ложной философской концепции. Но вся беда в том, что сегодня многие христиане готовы признать за справедливое учение об эволюции вселенной, а эволюционисты весьма склонны объявлять себя смиренными христианами» (там же).

Мы тоже могли бы спокойно не замечать антиэволюционизм в богословии, поскольку рассчитывать здесь на диалог не приходится. Когда имеешь дело с церковниками, особенно глубоко постигаешь смысл шекспировской строчки «Слова, слова, слова...». Наши слова для них ровным счётом ничего не значат. Большинство из них почти две тысячи лет говорят об одном и том же, и переубедить их в чем-либо — затея бессмысленная. Но всё дело в том, что богословский антиэволюционизм — ярчайший пример инволюционного сознания, которое в вопросах, связанных с эволюцией, тянет людей в дремучую древность. Более того, богословский антиэволюционизм время от времени выходит за пределы богословия и, тряхнув стариной, задиристо спорит с научной теорией унигенеза, как бы анахронично это ни выглядело. Его представители прекрасно понимают, что научный эволюционизм и богословие — две вещи несовместные. Тот же К.Буфеев говорил в своей статье «Ересь эволюционизма»: «...тема нашего труда, вынесенная в заглавие — “ересь эволюционизма” — будет актуальна до тех пор, пока не прекратятся попытки примерить и соединить чуждые и не совместимые между собой мировоззрения: веру в Божественное Откровение и веру в эволюционизм» (1;3). Научный эволюционизм, таким образом, и до сих пор не даёт священнослужителям покоя, хотя в науке он укрепил свои позиции ещё во второй половине XIX века. Не без оснований они видят в нём своего главного врага.

В 2000 году «Православное общество защиты и раскрытия святоотеческого учения о сотворении мира» выпустило сборник статей, который имеет название, шокирующее современного читателя своим воинственным мракобесием: «Шестоднев против эволюции» (2). Шестоднев есть часть библейского «Бытия», где излагается миф о сотворении мира древнееврейским богом Яхве за шесть дней. Опираясь на сам Шестоднев и учения отцов церкви, живших в Средние века, авторы этого сборника, забыв о времени, в котором они живут, взялись за развенчание научного эволюционизма. О средневековой воинственности их антисциентистского антиэволюционизма говорят уже названия статей, помещённых в данном сборнике: Ересь эволюционизма (Священник Константин Буфеев), Почему православный не может быть эволюционистом (Буфеев С.В.), Эволюционный миф и современная наука (Александр Хоменков), Ложь «православного эволюционизма» (Сергей Шубин). Правда, в этом же сборнике помещены статьи, названия которых не выглядят столь воинственно, как приведённые выше: Методологические проблемы идеи развития (Священник Андрей Лоргус), Эволюционизм в свете православного учения (Священник Даниил Сысоев), Богословские аспекты проблемы согласования православного и эволюционного учений о происхождении человека (Максимов Ю.В.). Тем не менее в целом этот сборник можно назвать манифестом современного православного антиэволюционизма. Наиболее яркая фигура среди его авторов — Константин Буфеев. Вот почему его статью «Ересь эволюционизма» я проанализирую подробно.

Разоблачая вслед за иеромонахом Серафимом (Роузом) антихристианскую сущность эволюционизма и объявив его мировоззрением языческим, К.Буфеев ставит перед единоверцами страшный вопрос: «Может ли православный не быть креационистом?», т.е. может ли он не верить в то, что бог Яхве сотворил вселенную не за несколько миллиардов лет, а всего за шесть дней. Ответ очевиден. Конечно, не может. Если он откажется от «Бытия», где изложен миф о божественном миротворении, то он, естественно, станет еретиком. Таким, например, с его точки зрения, является дьякон Андрей Кураев, который осмелился подправлять Шестоднев соображениями, взятыми из научного эволюционизма. Вот как пишет о нём К.Буфеев: «Известный православный публицист дьякон Андрей Кураев уже не едино-

жды высказывался как убеждённый эволюционист. По его мнению, “христианская традиция: склонна понимать “шесть дней” творения как шесть основных эпох возникновения мироздания. Вопрос о длительности этих “дней” считается не имеющим вероучительного характера”. Между тем, в Православии, в отличие от протестантских кругов, под “христианской традицией” принято понимать традицию Святых Отцов. Мысль отца дьякона была бы убедительной, если бы подтверждалась мнением отцов Церкви. К сожалению, привести святоотеческих цитат о. Андрею не удаётся по той простой причине, что их просто нет. Как мы показали выше, церковное Предание всегда воспринимало Шестоднев достаточно буквально» (1;27).

Ничего другого «церковному преданию» и не оставалось делать, добавим мы от себя, поскольку попытки научной модернизации учения о Шестодневе обречены на провал. С этой мыслью К.Буфеева нельзя не согласиться, который выразил её попушкински: «Новейшее модернистское богословие полно неуклюжих попыток запрячь в одну повозку коня и трепетную лань — грубый языческий (как мы покажем ниже) по своей природе эволюционизм и изящное святоотеческое учение о шестидневном творении мира как деле рук Божиих» (1;3).

Свою аргументацию против эволюционизма К.Буфеев начинает с утверждения о том, что эволюционизм вовсе не основывается на реальных фактах, а представляет собою не что иное, как одно из вероучений. Это надо понимать так, что в идею эволюции люди науки верят точно так же, как богословы верят в креационизм, т.е. в божественное творение мира. При этом он демонстрирует свою завидную эрудицию в области общей теории эволюции. Вот как он, в частности, излагает её в своей работе: «Согласно концепции эволюционизма, мир существует миллионы и миллионы лет, и постепенно претерпевает развитие от простых форм организации материи к более сложным и высшим. Вектор эволюции пронизывает бытие от элементарных частиц через все промежуточные формы неживой и живой природы до Человека Разумного (и может быть выше?). “Эволюцию” пытаются находить в своих объектах исследования астрономы (в звездах и галактиках), геологи (в динамике напластования горных пород), палеонтологи и биологи (в появлении и развитии новых видов), антропологи и археологи (в так называемом “прогрессе”

от обезьяны к человеку). В своих модификациях теория эволюции допускает скачкообразные переходы количественных изменений в качественные. При этом всем возможным изменениям и бифуркациям приписывается объективная природа. Развитие вселенной и её частей уподобляется запрограммированному развитию почки растения от цветочной завязи до плода. Одни формы жизни при таковом видении мира служат лишь ступенью для появления других, более совершенных» (там же).

Спрашивается, какой же аргумент против эволюционной теории выдвигает К.Буфеев? А вот какой: её никто, оказывается, не видел. Не теряя твёрдости духа, он так излагает этот аргумент: «Дело в том, что эволюции как таковой мы в мире не видим и никогда не видели. Ни один вид из другого на памяти человечества произведён не был. Равно как никто не наблюдал, чтобы живое произошло из неживого или разумное из неразумного» (там же). А отсюда следовал и вывод о том, что эволюционизм — не наука, а вера: «Важно осознавать то, о чём писал иеромонах Серафим (Роуз). Те учёные, которые говорят, что эволюция — это "факт", на самом деле толкуют научные данные в соответствии с некоей философской теорией. Одной чистой наукой нельзя ни доказать, ни опровергнуть окончательно "факты" эволюции. Исследователь, желающий принять "теорию эволюции" как рабочую гипотезу, должен осознавать, что, принимая её, он совершает акт веры, а не проводит логическое научное умозаключение. Причём вера здесь, как мы намерены показать, вполне языческая, а отнюдь не христианская (по крайней мере, уж точно не православная)» (там же).

Вот так К.Буфеев вместе с иеромонахом Серафимом уравняли верующего с учёным, а стало быть, религию с наукой. И в первой — вера, и в другой — вера. Видит, например, учёный поразительное сходство, имеющееся между человеком и обезьяной, и начинает проникаться верой в их общего предка. Почему верой? Да потому, что его, этого предка, воочию-то никто не видел. Выходит, ничего, кроме веры, и здесь не остаётся. Чего же, спрашивается, религия и наука так долго враждовали друг с другом и до сих пор продолжают это делать? Очевидно, не нашлось на них в подходящий момент Константина Буфеева, а он бы их представителям объяснил, что «вера в эволюцию (я цитирую) ничуть не более научна и обоснована, чем вера с библейское по-

вествование о шести днях творения» (там же). Действительно, какая между ними разница? Один верит, в то, что наш мир — результат его многомиллионного развития, а другой — в то, что Яхве создал его за шесть дней? И здесь — вера, и там — вера. Стало быть, и разницы между этими двумя взглядами нет никакой.

Если уж с такой лёгкостью К.Буфеев сумел поставить знак равенства между теорией эволюции и креационизмом, то доказать, что вера в эволюцию является не православной, а языческой, — пара пустяков. Да тут, собственно, и доказывать нечего. Ведь не нужно же истинному христианину доказывать, что Господь сотворил мир за шесть дней? Не нужно. Стало быть, всякий человек, отказавшийся от веры в божественное миротворение и уверовавший в эволюцию, — язычник (безбожник). С высоты православного инволюционизма о языческой природе эволюционизма К.Буфеев говорил так: «Люди-язычники представляют себе, что всегда был хаос, первобытная “вода” и т.п., из которой каким-то образом самостоятельным процессом самозарождения развились центры концентрации, давшие в результате эволюцию мира с его крупными и мелкими “богами” и с самим человеком» (1; 22). А далее он резюмировал: «Из проведённого краткого анализа язычества вытекает следующий двоякий вывод. С одной стороны, язычество во всех своих разновидностях немыслимо без принципа эволюционизма. С другой стороны, идея эволюции всегда коренится в языческом мировоззрении и является его неотъемлемым признаком» (там же).

Более того, всякий эволюционист, по мнению К.Буфеева, — раб своей безбожной философии. «Поскольку эволюционизм в самом деле не наука, а вера, — вещает К.Буфеев, — он целиком соответствует, и не может не соответствовать, принципам построения всех остальных религиозных вероучений. Это имеет место независимо от того, признают или не признают отдельные эволюционисты религиозного характера своего учения. Христианство, как мировоззрение, не скрывающее своих религиозных корней, может кое-что раскрыть эволюционистам. В толковании на первый стих книги Бытия святитель Иоанн Златоуст писал: “Прошу вас, будем внимать этим словам так, как будто бы мы слушали не Моисея, но самого Господа вселенной, говорящего устами Моисея, и распростимся надолго с собственными рассуждениями”. Довериться авторитету выбранного учения и распро-

ститься с собственным рассуждением — удел любого верующего, как христианина, так и эволюциониста. Так что, если кому-то со стороны кажется, что православный человек ограничен рамками догматов церковного Предания, пусть имеет в виду, что всякий учёный, избравший себе верой эволюционизм, вполне становится рабом этой безбожной философии» (1; 5).

Но доказать религиозную природу эволюционизма — вовсе не означает примирения с ним! Боже, упаси! А если же кто-нибудь из православных попытается это сделать, он автоматически становится еретиком. «Эволюционисты, вольно или невольно отрекаясь от догматов православного учения, являются пятой колонной, открывают ворота, впуская дух века сего в церковную ограду, — пишет о таких людях К.Буфеев. — Упрёк ко всем эволюционистам заключается в измене Священному Писанию и догматическому апостольскому Преданию, содержимому Православной Церковью. Иными словами, эволюционизм есть ересь, и всякий исповедующий себя эволюционистом, должен знать, что тем самым отсекает себя от единой святой соборной и апостольской Церкви, как еретик» (1; 8).

В борьбе с эволюционизмом К.Буфеев прибегал не только к тому аргументу, который можно назвать аргументом отсутствия наблюдателя. Он заимствует его, как ни странно, из той области, с которою борется, — из науки. Но в борьбе с врагом все средства хороши! Он не пренебрегает в ней и другими областями культуры — в частности, нравственностью. Так, дарвиновская борьба за существование, по его мнению, уже потому не может быть принята, что она выглядит весьма неприглядно с нравственной точки зрения, поскольку биологический прогресс замешан на уничтожении одних видов другими. Он писал: «Эволюционизм предполагает механизм естественного отбора и другие подобные принципы в качестве законов развития и появления новых видов. Таким образом, само возникновение новых видов за счёт старых “неконкурентоспособных” объявляется объективной необходимостью, выводится из самих свойств природы. Если в этом видеть “прогресс”, то покуда эволюция продолжается вершина этого “прогресса” ещё не достигнута. Одни виды объявляются средством для других, неким перегноем, который призван удобрить иные жизни. Существование тварей оказывается не самоценно, а утилитарно. Мир при таком взгляде не призван сла-

вить Творца в Его неизреченном разуме, величии и красоте, а каждая особь и вид становятся лишь ступенью в некоем неумолимом движении эволюции, буквально приносится ей в жертву. Некоторые виды животных объявлены "тупиковой" ветвью эволюции. Эволюционисты считают, что если бы в своё время не сформировались определённые предки, то не появились бы и их потомки: так, если бы рыба не захотела бы выйти на сушу, то не появилось бы ни зверя, ни птицы. Православная точка зрения в корне противоположная. Мир сотворен актами Живого Бога. Не по законам природы, а по сверхъестественному Господнему Речению, по всемогущему слову Создателя сперва мир из небытия пришёл "во еже бытии", а потом последовательностью непостижимых нашему разуму премудрых повелений образовалось многообразие форм творения» (1; 16). Можно ли возразить К.Буфееву против такого аргумента? А зачем? Люди, подобные ему, в принципе не способны на поиск объективной истины, а нелепость мифа о божественном творении мира понятна даже ребёнку. Все это было бы смешно, когда бы не было... так стыдно.

Не стыдно ли, например, от взрослого человека Константина Буфеева слышать такие слова: «Если под эволюцией понимать развитие и совершенствование от простых форм к сложным, то такого явления мы в природе практически не наблюдаем, но наблюдаем как раз противоположное» (1; 20). Вот не наблюдаем, и всё тут! А не стыдно ли читать у единомышленника К.Буфеева и одного из авторов «Шестоднева против эволюции» Александра Хоменкова такие изыскания: «Дарвин глубоко ошибался, ставя знак равенства между изменчивостью живых существ и эволюционным усложнением. Изменчивость имеет чётко определённые границы, которые никогда и никем не переходятся. Сколько бы не изменялись вьюрки на Галапагосских островах — они всегда останутся вьюрками и никогда не превратятся в аистов или же летучих мышей, поскольку законы природы запрещают подобные превращения. Из плавников рыбы также никогда не возникнет конечность наземных животных, а из чешуи динозавров никогда не образуются перья птиц».

Эволюционное учение Ч.Дарвина уже полтораста лет для богословов как бельмо в глазу. Они и до сих пор всё выставляют его за лжеучение. Видно, они лучше нашего брата учёного разбираются, где наука, а где лженаука. Вот как по этому поводу пи-

сал другой религиозный мыслитель нашего времени — Дмитрий Таланцев в статье «Узаконенная лженаука»: «Дарвинизм явился теоретической основой, или по крайней мере, важнейшим элементом самых человеконенавистнических философских учений — прежде всего марксизма и нацизма. Маркс, например, неоднократно утверждал, что теория Дарвина — “естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов”. Он, как известно, даже хотел посвятить Ч.Дарвину свой “Капитал”. А одна из работ его соратника Энгельса называлась”Роль труда в превращении обезьяны в человека”. Гитлер также исповедовал веру в эволюцию. Он искренне верил, что германская раса эволюционировала лучше всех остальных народов, и на этом основании имеет право уничтожать “недоразвитых”» (4). Бедный Ч.Дарвин! Он попал в учителя не только К.Марксу и Ф.Энгельсу, но и А.Гитлеру! Вот до какого умопомрачения может дойти человек, ослеплённый ненавистью к эволюционизму! Видно, чует он, что рано или поздно, но всё-таки придут времена, когда эволюционная буря окончательно сметёт все источники существования всех его собратьев.

Пример антиэволюционизма у К.Буфеева и иже с ним поучителен своим примитивизмом. В отличие от католиков, например, которые, как я уже упоминал, чтобы идти в ногу с наукой, попытались даже соединить несоединимое — библейский Шестоднев с концепцией Большого взрыва. Они создают, по крайней мере, иллюзию своей внутренней — внутрибогословской — эволюции. А К.Буфеев летит через сотни лет назад — к Средневековью, к Иоанну Златоусту, Григорию Нисскому, Иоанну Дамаскину и прочим отцам христианской церкви. Разве может какой-нибудь Чарлз Дарвин конкурировать, например, с Иоанном Златоустом, который жил ещё в IV веке и был епископом Константинополя? А К.Буфеев цитирует последнего как своего современника. Вот одна из таких цитат: Святитель Иоанн Златоуст: «Когда кончил Бог украшение неба, усеяв его звёздами и сотворив два светила великия, то положил конец дню и говорит: бысть вечер, бысть утро, день четвёртый. Смотри, как он говорит это о каждом дне, чтобы частым повторением учения укрепить в нашем уме божественные догматы» (1; 18).

Люди, подобные Константину Буфееву, представляют собою инволюцию в её чистейшем виде! Из XX века они перемещаются

в IV с инволюционной лёгкостью необыкновенной! Более того, инволюционизм К.Буфеева заявляет о себе не только в том, что своих союзников в борьбе с эволюционизмом он находит в седой старине, но и в том, что он напрямик отрицает эволюцию, заменяя её инволюцией. Так, он писал: «Вера в эволюцию предполагает ожидание в будущем всё большей гармонии и совершенства. Православная вера противоположна: мир идёт к своему концу и общему упадку. Учение эволюционизма говорит, что прежде были лишь хаос и примитивные формы организации материи. Христианство исповедует библейскую веру в то, что совершенным было творение в самом начале: “И виде Бог вся елика сотвори, и се добра зело” (Быт.1.31)» (1; 21). Вот и выходит, что вся наша современная цивилизация со всеми её культурными достижениями (наукой, техникой, искусствоми т.д.) — вовсе не результат эволюции, а результат инволюции! Компьютер, например, результат инволюции каменного топора, а, скажем, картина Н.И.Крамского «Христос в пустыне» — результат инволюции первобытной наскальной живописи! А «Война и мир» Льва Толстого из чего инволюционировала?

Да, нельзя не согласиться с К.Буфеевым, который, подводя итог своей борьбе с эволюционизмом, совершенно справедливо сказал: «Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что по всем основным положениям взгляды христианства и эволюционизма противоположны. Соединить вполне языческую веру в эволюцию и христианскую веру в Божественное Откровение невозможно. Окажется синкретическое уродство...» (1; 22). Такое уродство, например, он нашёл в работах «известного “православного” писателя протоирея» (1;26) Александра Меня. К.Буфеев писал: «Лишив первозданного Адама права быть личностью, прот. Мень учит, что смерть властвовала на земле и до Адама (по его терминологии до “человечества”), и таким образом эволюция представляет собой изначальный и неизбежный закон бытия. Он утверждает: “Смерть в природе универсальна”, и тут же риторически вопрошает: “Можно ли после этого говорить о том, что смерть в природу внёс человек?”. Можно ли христианину говорить и думать иначе? Нельзя же в упоительном эволюционистском экстазе забывать ясные слова апостола языков: “Единем человеком грех в мир вниде и грехом смерть” (Рим. 5, 12). Церковь устами блаженного Феофилакта поясняет: “Грех и

смерть вошли в мир через одного человека Адама, и опять же одним человеком, Христом, устранены". Итак, мнение о. Александра Меня по этому вопросу не православно. Не православно оно и у многих учеников-последователей, заражённых тем же модернистско-эволюционистским духом» (1; 27).

Как ни странно, в данном пункте прав К.Буфеев, а не А.Мень, поскольку нельзя соединить несоединимое — религию и науку, богословский инволюционизм и научный эволюционизм. Можно проводить параллели между библейским эволюционизмом и научным, но модернизировать «Библию» за счёт научного эволюционизма означает не что иное, как создавать, по выражению К.Буфеева, «синкретическое уродство». О невозможности согласования научного эволюционизма с православием в сборнике «Шестоднев против эволюции» прекрасно написал однофамилец Константина Буфеева — С.В.Буфеев в статье «Почему православный не может быть эволюционистом», в которой противоречия между эволюционизмом и православием он проанализировал попунктно — по рубрикам «Всемогущество» («Эволюционизм, не имея возможности удостоверить всех, что эволюция имеет место в наблюдаемом временном промежутке, ради правдивости своих рассуждений выстраивает все события мiровой истории в течение многих миллионов лет, умаляя Божие всемогущество в способности создать мiр за шесть дней только по Своему слову»), «Всеблагость» («Эволюционизм не признаёт, что Бог по Своей благости создал мiр, в котором первоначально не было места смерти и тлению»), «Премудрость» («Эволюционизм принижает Божие творение жизни, ибо пытается объяснить её при помощи науки — земной мудрости, основанной на искажённом, нецелостном и рассудочном знании»), «Всеведение» («Эволюционизм отрицает всеведение Бога, ибо уподобляет Его лабораторному экспериментатору, творящему по человеческой, ограниченной, модельной схеме: методом проб и ошибок и от простого к сложному. Но Бог, Который есть *Альфа и Омега, Начаток и Конец, Сый и Иже бе и грядый, Вседержитель* (Апок. 1, 8), знает всё о каждой ещё даже не рождённой твари, и знал ещё прежде сложения мiра (Еф. 1, 4), ибо Сам пребывает вне времени») и т.д. Уже и этих пунктов достаточно, чтобы понять, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», т.е. науку и религию.

На первый взгляд кажется, что науку и религию удалось впрячь в одну телегу великому эволюционисту XX века Тейяру де Шардену в его книге «Феномен человека». На самом же деле, религиозная струя в ней мало что меняет в его учении об эволюции, хотя некоторый эклектизм в это учение, конечно, она не могла не привнести. В этом отношении был прав Сергей Шубин, который в анализируемом сборнике «Шестоднев против эволюции» так писал о французском мыслителе: «Тейяр де Шарден является создателем крайне изощрённого философского учения, представляющего собой эклектичную смесь эволюционных и околохристианских воззрений. Переплюнуть Тейяра в этом отношении пока никому не удалось, да и вряд ли кому удастся. Поэтому любые попытки горе-православных эволюционистов привести к синтезу эволюционизма и Православия приводят в конечном итоге к тейярдизму, может только более примитивному, всё-таки Тейяр несомненно был одним из самых значительных философов последних трёх сотен лет. И Тейяр де Шарден всегда будет путеводной звездой для любого эволюциониста, в том числе и православного, пытающегося соединить несоединимое: свет и тьму, Священное Писание и эволюцию. Беда в том, что это ничего общего не имеет с Православием, как бы ни старались православные эволюционисты доказать обратное».

Сциентизация (онаучивание) «Библии», как и любого другого религиозного канона, может показаться на первый взгляд весьма благородным занятием, а между тем данная форма инволюционизма в духовной культуре является более тонкой и более коварной, чем антисциентистская, которую мы только что наблюдали у К.Буфеева. Дело в том, что сциентизация религии даёт религиозному сознанию новый шанс на выживание, а стало быть, и новый шанс для борьбы с научным сознанием, с научной картиной мира. Сциентистская форма антиэволюционизма в богословии выглядит как эволюционизм лишь с внутрибогословской точки зрения. Но с общекультурной точки зрения и эту форму следует расценивать как антиэволюционизм, поскольку и она тянет культуру назад, а не вперед, продлевая жизнь религиозной картине мира и тем самым затормаживая движение вперед научной картине мира.

Если антисциентистский антиэволюционизм ярко представлен у К.Буфеева, то сциентистский — у А.Меня. Каким же обра-

зом он пытался онаучить «Библию»? Он стремился увидеть в ней символическое изображение реальной эволюции. Для подобного взгляда на «Библию» имеются весьма веские основания, поскольку в религиозной форме эволюционизм в ней виден, как говорится, невооружёнными глазами. Яхве по существу творил мир в эволюционной последовательности: физиогенез — биогенез — психогенез — культурогенез (см. подр. 4; 11–18). Свою задачу А.Мень видел в подведении научной основы под библейский эволюционизм, исходя из предположения о том, что в «Библии» научный эволюционизм представлен в религиозно-символической форме. Так, Адам, с его точки зрения, представляет собою не конкретную личность, а зарождающееся человечество вообще. Против общечеловеческой интерпретации Адама у А.Меня резко выступил К.Буфеев, видя в ней один из путей проникновения научного эволюционизма в православие. Он писал: «Однако из сказанного никак не вытекает то, в чём хочет убедить читателя А. Мень — будто сотворённый первый человек был не “единая личность”, но какой-то “Всечеловек” (это слово взято явно не из святоотеческого источника, но, по-видимому, из Каббалы), тем более — не “целокупная душа всего человечества”. Такой “мысли” нет ни у св. Григория Нисского, ни у кого-либо из Святых Отцов. Из того, что в приведённых библейских стихах говорится о создании Богом человеческой природы (или человека), никак не следует того, что Адам не был личностью. Как раз был, и Библия не позволяет в этом усомниться» (1; 26).

Но обратимся же к работам самого А.Меня, чтобы ознакомиться на их примере со сциентистской формой инволюционизма в области православного богословия. Александр Мень (1935–1990) был весьма начитанным человеком. Он обладал не только широкой богословской эрудицией, но и научной. Вот почему в его книгах и выступлениях фигурирет множество имен — от апостола Павла (Савла Тарсянина) до П.Тейяра де Шардена и В.И.Вернадского. Религиозная терминология у него удивительным образом уживается с научной. Вот вам типичный образец их слияния в главе «Ноосфера» из его книги «Истоки религии»: «...Но Библия открывает нам и нечто большее. Символ “Древа Жизни”, который появляется на первых её страницах, означает потенциальное бессмертие *в с е г о* человеческого существа, а вместе с ним и всей природы. Человек, согласно Писанию, есть

духовно-телесное единство. Поэтому его роль в мироздании не может ограничиться сохранением и совершенствованием одного духа среди общего разложения материи. Незримая энергия, которой он наделён, ещё далеко не реализовала всех своих возможностей. Через своё тело человек слит с природным космосом, и его восхождение есть одновременно и восхождение всей твари. Эволюция биосферы — это побег от смерти, история же человека — это путь к *воскресению* и одухотворению материи. Следовательно, неразрушимость духа есть лишь этап, а не вершина прогресса» (5). С одной стороны, древо жизни, тварь и воскресение, а с другой, природный космос, эволюция биосферы и вершина прогресса.

Научный контекст, которым А.Мень окружает христианскую мифологию, демифологизирует её, тем самым представляя события, описанные в ней, чуть ли не как естественные. Так, он очень осторожно подводит своих слушателей к мысли об участии божественного разума (не бога, а именно — божественного разума) в создании столь сложного мира, по обыкновению облекая эту мысль в историко-научный контекст: «Чарлз Дарвин говорил, что, хотя он воспринимает мир не механически, как процесс, — всё же, задумываясь над его сложностью, он не может понять: неужели слепая случайность смогла всё это породить, и не следует ли нам за всем этим видеть некий разум, в чём-то аналогичный нашему? (Можно к этому добавить: не просто аналогичный, но безмерно превосходящий наш разум)» (6).

А вот как А.Мень изображает явление Христа народу. Оно выглядит у него как событие, в достоверности которого ни у кого не может быть сомнений. Описание этого события он демифологизирует до предела, прибегая с этой целью к сравнению Христа, в частности, с Буддой: «Двадцать пять лет принц Гаутама, будущий Тадхагатта Будда, проводил в аскетических усилиях, чтобы достигнуть созерцания. Так же трудились — умственно, духовно и психофизически — йоги, философы, подвижники. Но Иисус Христос приходит из простой деревни, где он вёл жизнь рядового человека. В нём всё было готово, он никуда не поднимался. Он, наоборот, спускался к людям» (там же).

Другой пример демифологизации образа Христа у А.Меня: «А вот в эту ночь, о которой я говорю, которая произошла весной 30-го года первого столетия нашей эры, Иисус Назарянин в ок-

ружении двенадцати совершает обряд воспоминания о свободе, которую дарует Бог. И крови здесь нет, а есть чаша с вином и хлебом. И он разламывает этот хлеб и раздаёт всем и говорит: “Это моё тело”. Как жертвенный агнец за людей. И он обносит чашу среди учеников и говорит: “Это Моя кровь, которую Я проливая за вас, это Новый Завет в Моей крови”. Таким образом, в этой священной трапезе, о которой мы с вами говорили, когда касались литургии, Бог и человек соединяются уже не в реальной физической крови, но в символической крови земли, ибо виноградный сок, вино — это есть кровь земли, а хлеб — это есть плод земли, это природа, которая нас кормит, это Бог, который отдаёт себя людям в жертву. И вот Иисус Назарянин совершает эту жертву» (там же). Вот, оказывается, в чём дело! Кровь, о которой в этом странном эпизоде из «Нового завета» говорит Иисус как о своей крови, на самом деле есть не что иное, как виноградный сок!

Теперь мы начинаем понимать, почему К.Буфеев взял слово «*православный*» по отношению к А.Меню в кавычки. Всё дело в том, что онаучивание или демифологизация «Библии» А.Менем лишает её чудодейственной стороны, тем самым уменьшая её религиозный статус, поскольку без чуда религии не бывает. Что это за бог, если он не способен творить чудеса? Конечно, полностью освободить «Библию» от чудодейственной стороны А.Мень не мог, но его стремление к этому мы уже видели. В своих работах он стремился либо прямо избегать упоминаний о библейских чудесах, либо истолковывать их так, чтобы они выглядели как можно естественнее. Раз наш мир очень сложен, естественно предположить, что своим существованием он обязан разуму, «безмерно превосходящему» человеческий. Раз Иисус не мог предложить своим ученикам пить свою кровь, естественно предположить, что он предложил им виноградный сок. И т.д.

Но «ересь эволюционизма» К.Буфеев обнаружил не только у «православного» писателя А.Меня. Беспощадной антисциентистской критике он подвергает в своей статье работы и других православных мыслителей, подпавших под тлетворное влияние эволюционизма. Кроме А.Меня и А.Кураева, он относит к ним также Александра Борисова — автора книги «Побелевшие нивы» (7) и Георгия Кочеткова — автора книги «Идите, научите все народы» (8), где они, подобно А.Меню, пытаются сциентизировать

«Библию». Вот каким образом первый из них пришёл к мысли о необходимости её демифологизации и сциентизации. В начале своей книги он пишет: «Конец XIX — начало XX в. для многих верующих людей было временем кризиса, вызванного явным несовпадением библейского рассказа о сотворении мира за 6 дней и человека из “праха земного” с данными геологии, палеонтологии и антропологии. Вместо 6 дней — 2 миллиарда (? — В.Д.) лет физической, химической и биологической эволюции, а вместо “праха земного” — явное родство человека со всеми животными вообще и человекообразными обезьянами в особенности» (7;137). Очень хорошее начало! Даже не верится, что это пишет священник. К.Буфеев же по поводу этих слов издаёт истошный вопль: «Господи, помилуй! Поистине происходит дьявольское помрачение. Православный священник специально пишет книгу, в которой отрицает 6 дней творения и создание Богом человека из праха земного! О прахе он пишет не иначе как в кавычках. Все святые, молите Бога о нас!».

По пути А.Меня и А.Борисова пошёл и Г.Кочетков. Вот, например, как он описывает первородный грех в своей книге: «В образе “крепкого сна”, взятия (т. е. поднятия) “одного из ребер” Адама и утаивающего конечного “закрытия его плотию” можно видеть любовное соитие Адама с женской особью, в чём-то себе подобной (“человекообразной”), призванной стать при этом человеком — “женой”. В любом случае нельзя не признать, что это — символ телесной близости тех, кто становится “одной плотью”» (9; 97–98). А вот реакция на эти слова со стороны К.Буфеева: «Поистине ничего подобного не писал не только никто из Святых Отцов, но и просто из благомыслящих людей. Кочетков хочет видеть в данном библейском стихе ни много ни мало, “любовное соитие Адама с женской особью” — человекообразной обезьяной!!». Но по большому счёту К.Буфеев здесь прав: результатом сциентизации «Библии», как, впрочем, и любого другого религиозного канона, как правило, становится «синкретическое уродство» (а ещё лучше его назвать *эклектическим уродством*).

Ещё один, последний, пример, такого «уродства» можно найти в статье, адресованной для детей (9), в которой сначала даётся цитата из «Библии», а потом — её научная интерпретация: «“*И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог, что он хорош*”.

Уже несколько сот лет размышляют учёные, как возникла Вселенная. Не так давно они пришли к выводу, что это было похоже на взрыв, в результате которого появился свет. Новорожденный мир был горячим, его температура — огромная, и он быстро увеличивался. Мы бы не успели хлопнуть в ладоши, а свет уже пробежал расстояние, как от Земли до Луны. Вот какая у него скорость! Представьте себе очень яркую и очень горячую лампочку, которая раздувается как воздушный шарик. Это будет похоже на начало Вселенной.

"И отделил Бог свет от тьмы"

Прошёл миллион лет. Вселенная остыла и стала огромной. Теперь она была наполнена газом, на котором Господь в течение многих миллиардов лет создавал гигантские звёздные скопления — галактики. Учёные много думают о том, как Он это сделал, но пока ещё не могут понять. Вот так Бог отделил свет от тьмы: звезды, созвездия, галактики полетели в темной пустоте расширяющейся Вселенной. Летят и сейчас, словно звёзды с пустотой играют в догонялки. Прошли ещё миллиарды лет, и в звёздах образовались те вещества, из которых строились планеты. Одна из них наша Земля.

"Да прорастит земля былие травное"

Первые растения на земле были мхи и папоротники. Прошли десятки миллионов лет, и появились хвощи и плауны... Потом ещё через сотни миллионов лет появились и другие растения, в том числе и цветущие, без которых земля была бы не так красива, как теперь».

В таком же, эклектическом, роде написаны книги «Теория распада Вселенной и вера отцов» епископа Василия (Родзянко), «Библия и наука о сотворении мира» протоерея Стефана Ляшевского и др. Вот как, например, комментирует пятый день божественного творения мира С.Ляшевский: «Пятому дню творения соответствует от начала до конца вся Мезозойская эра, состоящая из трёх периодов: Триасового, Юрского и Мелового» (10; 27).

Итак, на примере приведённых мною богословских сочинений мы увидели две главные тенденции, имеющиеся в современном русском православии — антисциентистскую (К.Буфеев, С.В.Буфеев, А.Хоменков, С.Шубин, Д.Таланцев и др.) и сциентистскую (А.Мень, А.Кураев, А.Борисов, Г.Кочетков, С.Ляшевский и

др.). Если представители первой стремятся сохранить библейскую мифологию в первозданном виде, полностью отметая какие-либо привнесения в неё со стороны эволюционных теорий, то представители другой пытаются сочетать несочетаемое — религию и науку, религиозный эволюционизм и научный. Обе эти тенденции, тем не менее, представляют собою разные формы антиэволюционизма, поскольку по-разному делают одно и то же — препятствуют по мере возможности распространению научного эволюционизма, тем самым находясь на одной и той же службе — на службе у инволюции духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буфеев К. Ересь эволюционизма // Шестоднев против эволюции / Под ред. Даниила Сысоева. — М., 2000: http://creatio.nm.ru/sbornik/rev_kbufeev_eresy.html
2. Шестоднев против эволюции / Под ред. Даниила Сысоева. — М., 2000 (ШПЭ): http://creatio.nm.ru/sbornik/index.html
3. Таланцев Д. Узаконенная лженаука: http://www.aha.ru/~taldm/kladist.htm
4. Даниленко В.П., Даниленко Л.В. Основы духовной культуры в картинах мира. — М., 1999: http://www.islu.irk.ru/danilenko/kartiny/kartin111.html
5. Мень А. Ноосфера: http://www.philosophy.ru/library/men/02/04.html
6. Мень А. Христианство: http://www.philosophy.ru/library/men/02/04.html
7. Свящ. Ал. Борисов. Побелевшие нивы. — М., 1997.
8. Свящ. Георгий Кочетков. «Идите, научите все народы». Катехизис для катехизаторов. — М., 1999.
9. Александрова О., Рукова С. Сотворение мира // С нами Бог, 1994, №4.
10. Прот. Стефан Ляшевский. Библия и наука о сотворении мира. — М., 1997.

НАУКА

Принципы универсального эволюционизма становятся доминантой синтеза знаний в современной науке. Это та стержневая идея, которая пронизывает все существующие специальные научные картины мира и является основой построения целостной общенаучной картины мира.

В.С.Стёпин

Теперешняя молодёжь жаждет денег. А что же ей остаётся? Вместе с советскими родителями её поставили на грань выживания постсоветские реформаторы. Ей не до высоких материй. Не до жиру, быть бы живу. Результат? Её нарастающая деградация.

Читаю лекцию. По глазам вижу: нравится. Им интересно, например, узнать, что Сократа казнили в семидесятилетнем возрасте за развращение молодёжи. Спрашиваю на следующей лекции: «За что казнили Сократа?». Полная тишина.

Даже термины такие появились — *обучаемость* и *необучаемость*. Необучаемость теперь набирает обороты с устрашающей скоростью. А откуда возьмётся обучаемость, если бедным студентам не о настоящем образовании приходится думать, а лишь о получении диплома? В надежде, что он им поможет выжить.

Подлинного образования нет без самообразования. А самообразования нет без чтения. Читают же теперешние студенты по преимуществу из-под палки. Чтобы отделаться от зачёта или экзамена. До самостоятельного чтения необязательной литературы, как правило, дело не доходит. Встретишь исключение — радуется душа не нарадуется. Как у А.А.Блока:

Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.